

УДК 329.3:297

Информация о статье:

Д.С. Рязанов, А.В. Охрименко, Г.И. Ибрагимов

Поступила в редакцию: 12.10.2015
Передана на рецензию: 14.10.2015
Получена рецензия: 22.10.2015
Принята в номер: 25.12.2015

**Терроризм в странах мусульманского культурно-исторического ареала:
общие тренды и идеологические особенности
(по материалам анализа электронных баз данных терроризма)¹**

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный технический университет»;
dsryazanov@mail.ru;

АНО «Дагестанский институт экономики и политики»; *a.v.okhrimenko@gmail.com*;

ГБУ «Дагестанский государственный объединенный исторический и архитектурный музей»; *gadis87@rambler.ru*.

В статье поднимаются вопросы состояния и общих тенденций террористической активности в странах мусульманского культурно-исторического ареала. Авторами проведен сравнительный анализ терроризма в странах Большого Ближнего Востока во временном и организационном разрезах. В качестве одного из инструментов измерения динамики количества террористических актов предлагается использование международных баз данных терактов, которые аккумулируют события с указанием соответствующих атрибутов. Особый упор в публикации делается на сопоставление исторических событий и статистических данных по терактам и, как следствие, выявление периодичности всплесков террористической активности в мусульманских странах под воздействием факторов внешнего вмешательства. Статья также содержит краткий анализ возникновения и трансформации ряда крупных международных террористических организаций, осуществляющих свою деятельность в настоящее время.

Ключевые слова: *терроризм, террористические акты, исламские радикалы, базы данных, количественные методы.*

As the title implies the article describes the condition and general trends of terrorist activity in the Muslim world. The authors have carried out a comparative analysis of terrorism in the countries of the Greater Middle East in the temporal and organizational perspective. The authors propose using international databases of terrorist attacks as one of the tools of measuring their dynamics. Much attention is given to the comparison of historical events and the statistics of terrorism and to establishing the periodic character of terrorist activity bursts in Muslim countries under the influence of external factors. The article also provides a brief analysis of the emergence and transformation of some major international terrorist organizations operating in the region.

Keywords: *terrorism, terrorist attacks, Islamic radicals, databases, quantitative research.*

Введение

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 годы»).

За последние десятилетия терроризм превратился в серьезную угрозу международной безопасности. Наиболее рельефные формы данная проблема приобрела в странах мусульманского культурно-исторического ареала, в первую очередь на Большом Ближнем Востоке. Появление значительных по географическим масштабам и социально-экономическому потенциалу анклавов, подконтрольных террористическим организациям, обретение подобными структурами государственных черт, не только уже привели к изменению политической карты региона, его социального ландшафта, но и оказывают значительное воздействие на ситуацию в иных уголках земного шара, подрывают современную систему международных отношений.

На протяжении десятилетий проблематика терроризма находится в центре внимания мирового научного сообщества, что демонстрируется и значительным количеством исследований. Например, каталог Библиотеки Конгресса США содержит около 8 тысяч материалов, в названии которых присутствуют такие термины, как «терроризм» и «террорист», в библиотеке Кембриджского университета имеется свыше 10 тысяч только печатных книг по данной проблеме. В книжном каталоге Российской государственной библиотеки насчитывается примерно 1200 подобных работ. Только за 1993–2014 годы в России по данной тематике было защищено 112 диссертаций.

В то же время динамизм современных политических процессов, изменчивость и многообразие проявлений терроризма не позволяют говорить об его исчерпывающей исследованности, так же, как и о равномерности внимания ученых к различным ракурсам рассмотрения данной столь многогранной и противоречивой темы.

Сопоставляя существующие в отечественном и зарубежном обществоведении подходы к изучению проблематики терроризма, можно прийти к выводу о слабой степени интеграции как самого российского ученого сообщества с мировой наукой, что проявляется, в т. ч. в повторении путей, ранее неоднократно пройденных исследователями и потому малоперспективных. Большая часть российских работ по тематике терроризма создается в описательном ключе без достаточного учета опыта последних десятилетий по применению статистических методов, математических моделей, наработанного в различных областях общественных наук, что в то же время не может обесценить значительный вклад отечественных ученых в изучение правовых аспектов терроризма, его медийного отражения, идеологических характеристик, геополитического значения.

В зарубежной науке со времен «бихевиоральной революции» 1960–1970-х гг. значимое место в изучении терроризма занимают исследования, проводимые на основе баз данных, с применением количественных методов, статистического инструментария, использование которых позволило изменить ракурс рассмотрения проблематики указанного негативного феномена, выявить направления его метаморфоз. В числе работ, с полным правом претендующих на статус пионерских с точки зрения методологии, могут быть названы исследования Э.Ф. Миколуса [10; 11] и П. Уилкинсона [13; 13], первый из которых явился создателем базы данных «International Terrorism: Attributes of Terrorist Events data set» (ITERATE)², а второй – внес серьезный вклад в развитие баз данных корпорации «РЭНД» (ныне существует «RAND Data base of World Wide Terrorism Incidents»³).

Изменение методологических ориентиров в изучении терроризма позволило значительно приблизиться к пониманию его сущности, социального контекста возникновения. В частности, был проблематизирован зачастую доказываемый на уровне

² International Terrorism: Attributes of Terrorist Events dataset [Электронный ресурс] // Сайт «International Terrorism: Attributes of Terrorist Events, 1968–1977 [ITERATE 2] (ICPSR 07947)». Режим доступа: <http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/ICPSR/studies/07947>.

³ RAND Data base Of Worldwide Terrorism Incidents [Электронный ресурс] // Сайт корпорации «РЭНД». Режим доступа: <http://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html>.

«здорового смысла» тезис о бедности как факторе терроризма, что не нашло своего подтверждения в широких кросснациональных исследованиях, показавших отсутствие корреляции показателей терроризма с низким уровнем доходов (в условиях надлежащего обеспечения реализации гражданских и политических прав) [7], с уровнем образования [6; 8].

В российской науке обращение к электронным базам данных терроризма, использование статистических методов продемонстрировано пока достаточно малым количеством работ, среди которых выделяется защищенное в текущем году диссертационное исследование И.П. Супрунчука, осуществившего полимасштабный пространственно-временной анализ террористической активности, зафиксировавшего ее динамику и региональную дисперсность терроризма [4]. В то же время говорить о том, что данное исследование снимает многочисленные вопросы в сфере изучения терроризма, особенностей его проявления на различных территориях, в том числе на переживающем тектонические сдвиги политических структур Ближнем Востоке, едва ли возможно.

Целями настоящей статьи являются осуществление на основе электронных баз данных терроризма анализа состояния и общих трендов терроризма в странах мусульманского культурно-исторического ареала, определение идеологических ориентиров террористических групп региона, установление места и роли исламистских организаций в метаморфозах терроризма на Большом Ближнем Востоке, в Центральной и Южной Азии, выявление доктринальных сходств и различий, ответственных за осуществление акций насилия подобного рода исламистских организаций.

Общие тренды терроризма в странах мусульманского культурно-исторического ареала

Острота проблемы терроризма для мусульманского культурно-исторического ареала иллюстрируется тем обстоятельством, что в настоящее время именно страны, его составляющие, в наибольшей степени испытывают деструктивное влияние данного социального феномена. По итогам 2014 года подавляющая часть стран с высокими показателями террористической активности относится к интересующему нас региону (в том числе Филиппины и Таиланд, где, несмотря на относительно небольшую долю мусульманского населения – около 5 %, также действуют террористические организации исламистской ориентации, в частности «Абу Сайяф», Фронт исламского освобождения Море, Движение исламских моджахедов Паттани, пр.) (см. табл. 1).

Таблица 1. Страны, в которых зафиксированы наиболее высокие показатели террористической активности в 2014 г.

Страна	Кол-во терактов за 2014 г.	Изменение кол-ва терактов по отношению к 2013 г., %	Кол-во жертв терактов за 2014 г.	Изменение кол-ва жертв терактов по отношению к 2013 г., %
Ирак	3925	38	13076	86
Пакистан	2146	-3	2409	-16
Афганистан	1820	26	5411	46
Сомали	862	158	1582	145
Индия	859	24	488	4
Йемен	760	79	1349	116
Ливия	729	149	690	196
Нигерия	713	107	7774	286
Филиппины	597	-8	472	9
Таиланд	423	-11	192	-24
Египет	346	9	338	39

Сирия	326	17	3301	112
Израиль	293	692	49	2350
Колумбия	230	56	143	6
Ливан	204	69	115	-39
Судан	157	241	546	148
Западный берег/Сектор Газа	135	111	67	458
Бангладеш	129	-7	37	270
Кения	115	46	315	53

Примечание: подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base». Темно-серым выделены страны, относимые к мусульманскому культурно-историческому ареалу, светло-серым – страны со значительной долей мусульманского населения⁴.

Значение стран мусульманского мира в метаморфозах терроризма также проявляется при обращении к деятельности наиболее активно использующих подобный метод в политической борьбе организаций (движений), среди которых большую часть составляют структуры, применяющие для обоснования своих практик исламскую фразеологию (см. табл. 2).

Таблица 2. Крупнейшие террористические организации (движения) по итогам 2014 г.

Организация / Движение (страна)	Кол-во терактов за 2014 г.		Кол-во жертв терактов за 2014 г.	
	абс.	по отношению к 2013 г., %	абс.	по отношению к 2013 г., %
ИГИЛ (Ирак, Сирия)	1263	179	9596	411
Талибан (Афганистан)	1038	34	4194	53
аль-Шабаб (Сомали)	865	170	1783	141
Бока Харам (Нигерия)	493	111	7112	311
Новая народная армия (Филиппины)	291	36	190	22
Аль-Каида на Арабском полуострове (КСА, Йемен)	285	99	889	140
Наксалиты (Индия)	394	151	292	100
Техрик-и-Талибан (Пакистан)	179	13	974	30
Революционные вооружённые силы Колумбии (Колумбия)	163	54	88	-19
Хутисты (Йемен)	134	538	234	284
Республиканская армия белуждей (Пакистан)	103	312	52	79
Фронт исламского освобождения Моро (Филиппины)	88	31	98	72

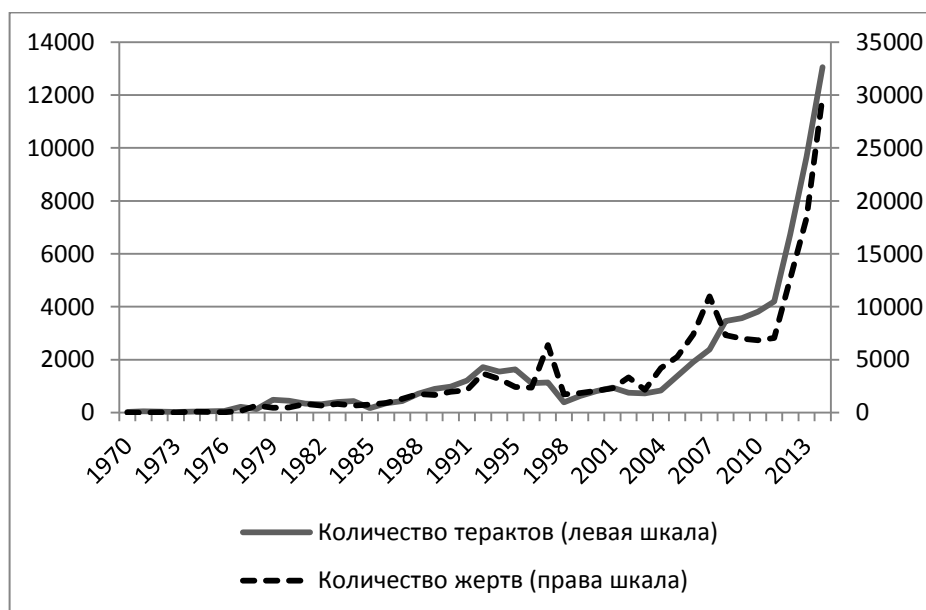
⁴ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

Фронт «аль-Нусра» (Сирия)	82	82	838	19
Хамас (Движение исламского сопротивления) (Палестина, Израиль)	66	6500	71	3450
Рабочая партия Курдистана (Турция)	61	190	21	50
Национальная армия освобождения Колумбии (Колумбия)	60	200	57	50
«Ансар байт аль-Макдис» («Ансары Иерусалима») (Египет)	60	329	157	214

Примечание: подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base». Темно-серым выделены организации (движения), акцентировано использующие исламскую фразеологию⁵.

Динамика террористической активности демонстрирует, что сложившаяся ситуация представляет собой результат длительной эволюции, в ходе которой происходило накопление общественных противоречий, их усложнение, переход кризисных моментов в хроническую стадию.

Диаграмма 1. Динамика количества террористических актов, совершенных в странах с преимущественно мусульманским населением, и жертв за 1970–2014 гг. (подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base»)⁶

Анализ позволяет выявить две крупные волны террористической активности в странах региона: 1) 1988–1998 гг., 2) 2004 г. – по настоящее время. Возникновению указанных циклических колебаний предшествовал длительный инкубационный период,

⁵ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

⁶ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

начало которого по времени совпадает с такими событиями, как «Исламская революция» в Иране 1978–1979 гг. и введение Советских войск в Афганистан в 1979 г., имевшими огромное влияние как на политический климат региона, так и на общественную жизнь в целом.

Первая волна террористической активности в регионе (1988–1998 гг.)

Изучение географических и структурных характеристик первой волны показывает, что, хотя все страны, где наблюдалась высокая активность террористических групп, относятся к территориям с доминирующей или значительной долей мусульманского населения (см. табл. 3), наибольшая террористическая угроза исходила от организаций, исповедовавших различные светские идеологии (см. табл. 4).

Таблица 3. Страны региона, в которых зафиксированы наиболее высокие показатели террористической активности в 1988–1998 гг.

Страна	Кол-во терактов	Кол-во жертв терактов
Индия	2364	7589
Турция	1714	3792
Пакистан	1651	2843
Алжир	1283	6945
Ливан	747	783
Сектор Газа	706	491
Бангладеш	534	622
Израиль	471	364
Египет	439	658
Россия	274	458

Примечание: подсчитано авторами по базе данных Global Terrorism Data base⁷.

Таблица 4. Крупнейшие террористические организации (движения) региона в 1988–1998 гг.

Организация / Движение (страна)	Идеологическая ориентация	Кол-во терактов	Кол-во жертв терактов
Рабочая партия Курдистана (Турция)	левые, национализм	870	3257
Палестинские организации	национализм	608	351
Сикхские экстремисты	национализм (сикхизм)	504	1910
Аль-Гамааль-Исламийя	исламизм	257	489
Освободительная партия-фронт революционного народа – «Дев Сол» (Турция)	ультра-левые	232	120
Хизбалла (Ливан)	исламизм	213	231
Движение «Муттахида Кауми» (Пакистан)	национализм	162	218
Исламский фронт спасения (Алжир)	исламизм	153	211
Вооруженная исламская группа (Алжир)	исламизм	132	856

⁷ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

Примечание: подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base»⁸.

Драйверами роста террористической активности волны 1988–1998 гг. могут быть названы события, отдаленные друг от друга и в географическом, и в политическом смысле. Среди них: начало первой палестинской интифады (декабрь 1987 г.), подъем сикхского национализма в Индии. Однако достижение пиковых значений графика к 1992 году позволяет предположить, что серьезный импульс терроризму был придан американской интервенцией в Ирак с использованием территории Саудовской Аравии как плацдарма (1991 г.). Такое вмешательство вызвало волну возмущения по всему региону и в значительной степени предопределило идеологическую поляризацию политических сил, их размежевание и конфронтацию, нашедшую проявление в том числе в террористической практике. В первую очередь справедливость данного наблюдения может быть проиллюстрирована на примере Алжира, в котором за военным переворотом 1991 г., вызванным в том числе несогласием генералитета с планами победившего на выборах Исламского фронта спасения по оказанию военной помощи правительству Саддама Хусейна [3, с. 177–178], последовала многолетняя гражданская война с широким использованием террористических методов (за период 1992–1998 гг. в Алжире «Global Terrorism Data base» зафиксирован 1251 теракт, в результате которых погибло 6900 человек).

Кроме того, важную роль в усилении нестабильности сыграл распад СССР, часть территорий бывших республик которого также оказалась поражена терроризмом (согласно сведениям указанной базы данных, на территории бывшего СССР за 1991–1998 гг. совершено 688 терактов, количество убитых составило 1270, для России данные цифры составляют 274 и 478 соответственно).

Стабилизация и определенное снижение уровня террористической активности, фиксируемые к 1999 г., показали жизнеспособность политических режимов региона, наличие у них значительного потенциала поддержки населения (за исключением Афганистана). Однако, устояв после первой волны, в большинстве случаев подавив репрессивным путем терроризм, значительная их часть в качестве приоритетного направления противодействия не избрала путь последовательных социально-экономических и политических преобразований, тем самым сохранив социальную базу для воспроизводства проявлений политического насилия.

Динамика и идеологические особенности террористической активности в регионе на современном этапе (2004 г. – настоящее время)

Резкий всплеск терроризма, фиксируемый в 2004 г. и впоследствии в 2010 г., может быть объяснен фактором внешнего вмешательства, которое катализировало сложившиеся в регионе элементы нестабильности, смело государственные системы, со сбоями, но все же регулировавшие сложные застарелые конфликты. В случае Ирака (после 2003 г.), Афганистана (после 2001 г.) вмешательство протекало в форме иностранной интервенции, разрушившей существовавшие политические режимы, в случае Пакистана – в форме принуждения к участию в военных акциях, подорвавших легитимность системы власти в глазах населения, в Йемене, Ливии и Алжире – в виде поддержки революционных событий «арабской весны» (2010–2012 гг.), которые в двух первых названных примерах привели к возникновению «вакуума власти» и гражданской войне, а в Сирии приняло форму инспирирования и поддержки вооруженной оппозиции, что также вызвало гражданскую войну.

Каждый из приведенных образчиков характеризуется заметным ростом террористической активности (см. табл. 5).

¹ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

Таблица 5. Страны региона, в которых зафиксированы наиболее высокие показатели террористической активности в 2004–2014 гг.

Страна	Количество терактов	Количество жертв
Ирак	15758	48726
Пакистан	9532	16224
Афганистан	7475	19930
Индия	5231	6217
Сомали	2295	4885
Йемен	1790	4006
Россия	1315	1878
Ливия	1084	956
Алжир	853	1613
Сирия	834	5925

Примечание: подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base».⁹

Сопоставление идеологической направленности основных террористических организаций и движений описываемой волны и ей предшествующей показывает всю глубину изменений политико-культурного облика региона, мутацию политических сил. Обращает на себя внимание практически полное исчезновение националистических и осязаемое сокращение активности леворадикальных террористических групп на фоне роста организаций, использующих исламскую фразеологию (см. табл. 6).

Таблица 6. Крупнейшие террористические организации (движения) региона в 2004–2014 гг.

Организация/движение (страна)	Идеологическая ориентация	Кол-во терактов	Кол-во жертв терактов
Исламское государство Ирака и Леванта, бывш. Аль-Каида в Ираке, Исламское государство в Ираке (Ирак, Сирия)	исламизм	3072	17344
Талибан (Афганистан)	исламизм	4193	14004
Наксалиты (Индия)	маоизм	1581	2077
Аль-Шабаб (Сомали)	исламизм	1514	3477
Техрик-и-Талибан (Пакистан)	исламизм	1041	4959
Аль-Каида на Арабском полуострове (КСА, Йемен)	исламизм	753	2837
Рабочая партия Курдистана (Турция)	левые, национализм	364	426
Аль-Каида в землях исламского Магриба (Алжир, Марокко, Тунис)	исламизм	212	726
Фронт «аль-Нусра»-аль-Каида в Сирии	исламизм	136	1766
Лашкар-и-Тайба (Пакистан)	исламизм	75	428

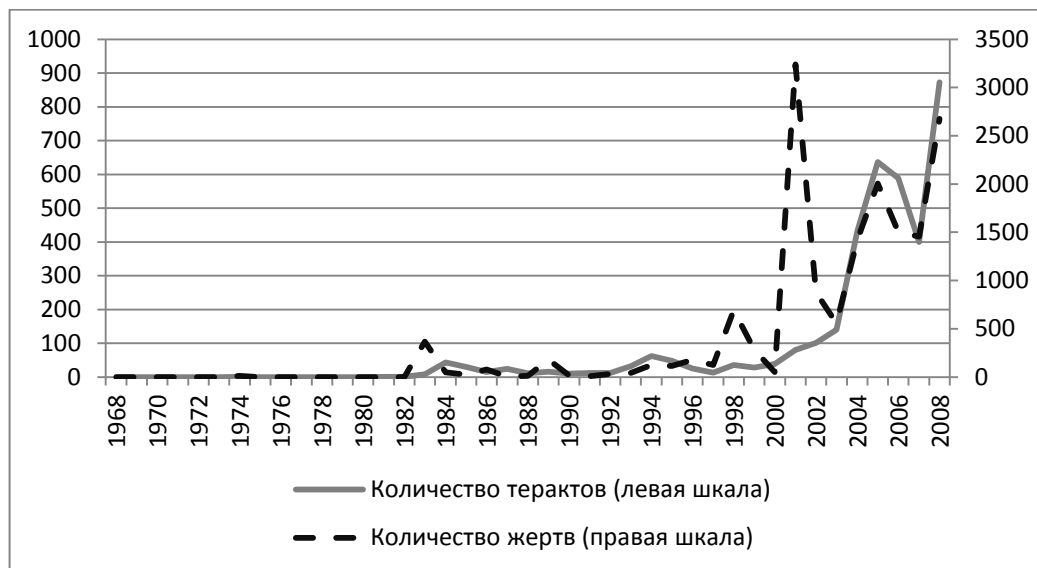
Примечание: подсчитано авторами по базе данных «Global Terrorism Data base»¹⁰.

⁹ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

Несмотря на то обстоятельство, что исламистские движения позднее, чем их оппоненты, пришли к использованию интересующего нас вида политического насилия в своей практике (наиболее ранним случаем может быть названо нападение на военно-техническое училище в Каире 18 апреля 1974 г., которое скорее являлось событием, сочетающим признаки теракта и неудачной попытки государственного переворота (подробнее см. [1]), они пережили достаточно стремительную радикализацию (см. диаграмму 2) и превратились в основных акторов терроризма.

Стоит особо отметить, что радикализация произошла лишь с частью исламистских движений, многие из которых продолжили развитие по умеренному пути, что нашло широкое отражение в исследовательской литературе, как отечественной, так и зарубежной (например, см. [2; 5]).

Диаграмма 2. Количество террористических актов, совершенных исламистскими организациями, и жертв подобных терактов за 1968–2008 гг. (подсчитано авторами по базе данных «RAND Database Of Worldwide Terrorism Incidents»¹¹)

Значительное разрастание определенного идеологического лагеря, вовлечение в него различных по социальной этиологии сил, возникших в весьма отличающемся политическом контексте, привели к нарастанию внутренних противоречий, доктринальному обособлению и обострению противостояния между появившимися направлениями, специфика которых связана как с исторически сформировавшимися богословскими особенностями, так и с расхождениями по принципиальным вопросам политического целеполагания, стратегии и тактики (см. табл. 7).

¹⁰ Global Terrorism Data base [Электронный ресурс] // Сайт «National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism». Режим доступа: <http://www.start.umd.edu/gtd/>.

¹¹ RAND Database Of Worldwide Terrorism Incidents [Электронный ресурс] // Сайт корпорации «РЭНД». Режим доступа: <http://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html>.

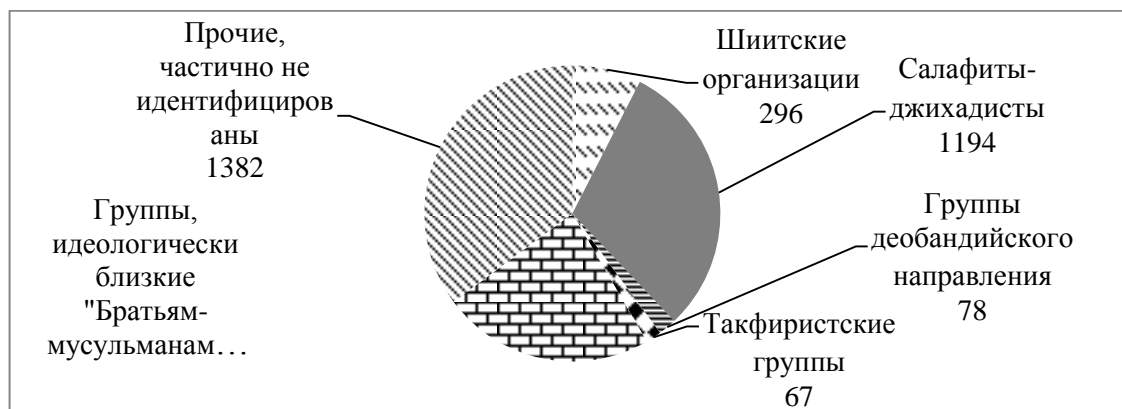
Таблица 7. Отдельные идеологические расхождения между направлениями исламистских организаций, использующих террористические методы

Отношение к...	Шиитские организации	Салафиты-джихадисты	Группы деобандийского направления	Такфиристские группы	Группы, идеологически близкие "Братьям-мусульманам"
суннизму	-	+	+	+	+
масхабам	+	-	+	-	+
обвинению общества в отступлении от ислама (такфир)	-	-	-	+	-
тактике неизбирательного террора	+/-	+/-	+/-	+	-
участию в выборах	+	-	-	-	+

Примечание. Позитивное отношение обозначается как «+», негативное – «-», неоднозначное – «+/-».

Анализ террористической активности направлений воинствующих исламистов показывает, что степень их вовлеченности в данную деятельность весьма различается и свидетельствует о роли салафитов-джихадистов в формировании облика современного терроризма (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3. Количество террористических актов в разрезе направленности исламистских организаций за 1968–2009 гг. (подсчитано авторами по базе данных «RAND Database Of Worldwide Terrorism Incidents»¹²)

Наибольший удельный вес салафитов-джихадистов в общем количестве терактов сочетается с наиболее стремительными темпами роста количества групп данного вида (см. диаграмму 4), их численности (см. диаграмму 5).

¹²RAND Data base Of Worldwide Terrorism Incidents [Электронный ресурс] // Сайт корпорации «РЭНД». Режим доступа: <http://www.rand.org/nsrd/projects/terrorism-incidents.html>.

Диаграмма 4. Количество активных салафитско-джихадистских групп (1988–2013 гг.) [9]

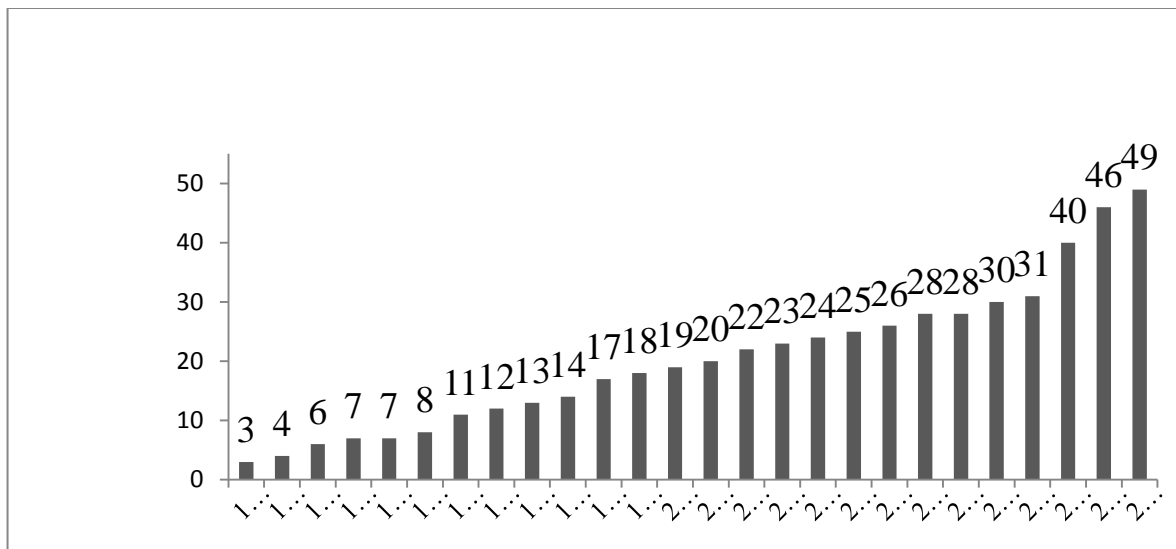
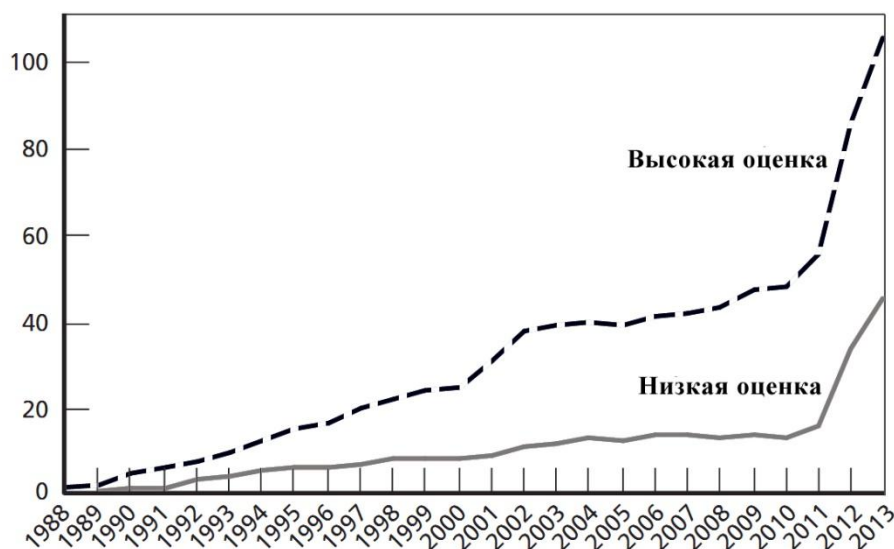

Диаграмма 5. Количество активных бойцов салафитско-джихадистских групп (1988–2013 гг.) [9]

Подобные результаты в значительной степени объясняют, почему зачастую именно с салафитами-джихадистами ассоциируется любая террористическая активность в странах мусульманского ареала. Хотя, по мнению научного сотрудника неправительственной организации "Джерман Маршалл Фанд" Хассана Мнеймнеха, даже в рамках самого салафитского направления они являются наиболее известной, но тем не менее далеко не самой многочисленной группой [12].

В отличие от таких фракций, как группы, придерживающиеся деобандийского направления (например, большая часть Талибана) или идеологически близкие «Братьям-мусульманам» (в частности, «Палестинский исламский джихад»), насильственные акции которых сосредоточены в одном регионе (в первом случае – Аф-Пак, во втором – Палестина и Израиль) и связаны с ограниченным числом по сути локальных проблем, активность салафитских групп географически дисперсна, фиксируется во многих странах и направлена на достижение целей глобального масштаба.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, можно прийти к следующим выводам.

1. Терроризм в странах мусульманского культурно-исторического ареала представляет собой изменчивый феномен, динамика которого обладает циклическими характеристиками. Анализ выявленных волн позволяет говорить об их значительной обусловленности внешними для региона факторами.

2. Изучение трансформации терроризма в регионе во времени приводит к выводу о значительном изменении идеологического облика террористических организаций: практически полное исчезновение националистических и ошутимое сокращение активности леворадикальных террористических групп на фоне роста организаций, использующих исламскую фразеологию.

3. Современные исламистские организации (движения), использующие террористические методы, объединенные общими лозунгами о построении «исламского государства», не представляют собой цельного движения, а характеризуются значительным числом идеологических разломов, проистекающих как из многовековых теологических разногласий, так и современных политических противоречий. Также внутренне гетерогенным является течение салафитов-джихадистов, которые, несмотря на наличие двух крупных центров притяжения в лице структур аль-Каиды и «Исламского государства в Ираке и Леванте», продолжают оставаться организационно раздробленными, в то же время демонстрируя наибольшую вовлеченность в терроризм.

Разнообразие политических сил, использующих террористические методы в политической борьбе, показывает разнородность современного терроризма, инструментальную адаптивность идеологических систем (от маоизма и национализма до исламизма) к обоснованию политического насилия при формировании определенных социальных условий. Осмысление подобных обстоятельств может способствовать не только выявлению новых ориентиров научных исследований, основанных на количественном анализе конкретных политических феноменов, но и выработке комплекса мер по снижению напряженности в регионе Большого Ближнего Востока, Кавказа, Центральной и Южной Азии.

Выражаем благодарность за финансовую поддержку исследования в рамках реализации гранта РГНФ № 15-37-01201 («Терроризм на постсоветском пространстве, 1991–2014 годы»).

Литература

1. *Баглиев М.А.* Политические аспекты современного исламского экстремизма (на примере Египта): дис. ... канд. полит. н. – М., 2002. – 171 с.
2. *Воробьев А.А.* Исламские фундаменталисты умеренного толка в общественно-политической жизни Арабской Республики Египет в 1981–2000 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – М., 2006. – 167 с.
3. *Кепель Ж.* Джихад: Экспансия и закат исламизма / пер. с фр. В.Ф. Денисова. – М.: Ладомир, 2004. 468 с.
4. *Супрунчук И.П.* Полимасштабный пространственно-временной анализ террористической деятельности: дис. ... канд. геогр. наук. – Ставрополь, 2015. – 193 с.
5. *Binder L.* Islamic Liberalism: A Critique of Development Ideologies. – Chicago & London: The University of Chicago Press, 1988. – 414 p.
6. *Blomberg B., Hess G.* The Lexus and the olive branch: Globalization, democratization and terrorism // Terrorism, economic development, and political openness. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 116–147.
7. *Krueger A., Maleckova J.* Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection // Journal of Economic Perspectives. 2003. – Vol. 17. – № 4. – P. 119–144.
8. *Kurrild-Klitgaard P., Justesen M.K., Klemmensen R.* The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism // Public Choice. – 2006. – Vol. 128. – Iss. 1–2. – P. 289–315.

9. Jones S.G. *A Persistent Threat. The Evolution of al Qaeda and Other Salafi Jihadists*. Santa Monica (CA): RAND National Defense Research Institute, 2014. – 92 p.
10. Mickolus E.F. *An Events Data Base for Analysis of Transnational Terrorism // Quantitative Approaches to Political Terrorism / Ed. by R.J. Heuer*. – Boulder: Westview Press, 1978. – P. 127–163.
11. Mickolus E.F. *Statistical Approaches to the Study of Terrorism // Terrorism: Interdisciplinary Perspectives / Ed. by Y. Alexander, S.M. Finger*. – New York: John Jay Press, 1977. – P. 210–246.
12. Mneimneh H. *The Spring of a New Political Salafism? // Current Trends in Islamist Ideology*. – 2011. – Vol. 12. – P. 30–34.
13. Wilkinson P. *Political Terrorism*. – New York: John Wiley and Sons, 1975. – 160 p.
14. Wilkinson P. *Terrorism and the liberal state*. – London; Basingstoke: Macmillan press, 1977. – 257 p.

References

1. Bagliev M.A. *Politicheskie aspekti sovremennogo islamskogo ekstremizma (Na primere Egipta) [Political aspects of modern Islamic extremism (on the example of Egypt)]*: dissertation for the degree of candidate of science in political science. Moscow, 2002. 171 s.
2. Vorobev A.A. *Islamskie fundamentalisty i umerennogo tolka v obschestvenno-politicheskoy zhizni Arabskoy Respubliki Egipet v 1981–2000 godyi [Islamic fundamentalists moderate wing in the political life of the Arab Republic of Egypt in the years 1981–2000]*: dissertation for the degree of candidate of science in history. Moscow, 2006, 167 s.
3. Kepel G. *Jihad: Ekspansiyai zakat islamizma [The expansion and decline of Islamism]*. Moscow. Ladomir, 2004. 468 s.
4. Suprunchuk I.P. *Polimasshtabny prostranstvenno-vremennoy analiz terroristicheskoy deyatel'nosti [Full-scale spatial and temporal analysis of terrorist activities]*: dissertation for the degree of candidate of science in geography. Stavropol, 2015, 193 s.
5. Binder L. *Islamic Liberalism: A Critique of Development Ideologies*. The University of Chicago Press, Chicago & London, 1988, 414 p.
6. Blomberg B., Hess G. The Lexus and the olive branch: Globalization, democratization and terrorism. *Terrorism, economic development, and political openness*. Cambridge University Press, Cambridge, 2008. pp. 116–147.
7. Krueger A., Maleckova J. Education, poverty, and terrorism: Is there a causal connection. *Journal of Economic Perspectives*. 2003, vol. 17, no. 4, pp. 119–144.
8. Kurrild-Klitgaard P., Justesen M.K., Klemmensen R. The political economy of freedom, democracy and transnational terrorism. *Public Choice*, 2006, vol. 128, iss. 1–2, pp. 289–315.
9. Jones S.G. *A Persistent Threat. The Evolution of al Qaeda and Other Salafi Jihadists*. RAND National Defense Research Institute, Santa Monica (CA), 2014, 92 p.
10. Mickolus E.F. *An Events Data Base for Analysis of Transnational Terrorism*, in R.J. Heuer (ed.) *Quantitative Approaches to Political Terrorism*, Westview Press, Boulder, 1978. pp. 127–163.
11. Mickolus E.F. *Statistical Approaches to the Study of Terrorism* in Y. Alexander & S.M. Finger (ed.) *Terrorism: Interdisciplinary Perspectives*, John Jay Press, New York, 1977. pp. 210–246.
12. Mneimneh H. *The Spring of a New Political Salafism? Current Trends in Islamist Ideology*, 2011, vol. 12, pp. 30–34.
13. Wilkinson P. *Political Terrorism*. John Wiley and Sons, New York. 1975. 160 p.
14. Wilkinson P. *Terrorism and the liberal state*. London; Basingstoke: Macmillan press, 1977, 257 p.